

18+

Любовь Глотова

**облака
сугробы
неба**

Стихотворения

Любовь Глотова
облака сугробы неба.
Стихотворения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63374232

ISBN 9785005181473

Аннотация

***И куда идёт Фёдор Достоевский —в Астрахань или вверхпо всклоченнойгидроэлектростанциямиреке? Босикомбежит по Студёному оврагу Динка,кличет Лёньку,а Фёдор Немихалыч Достоевскийразворачиваетсяи идёт вверх — белый четырёхпалубный идиот.

Содержание

«облака сугробы неба...»	5
«И вот другой совсем проснулся день ...»	6
«У реки выросли плавники...»	7
«Поутру очнёшься – ни чешуи, ни хвоста...»	8
«Я ничего не знаю о себе...»	9
«синие глаза в обойме кожи век лица...»	11
Ноябрь	12
«у соснового бора...»	13
«зелёной надежды кумыс...»	14
«Мы не гуляли по крышам...»	15
«Отрываюсь пуговицей от детской пижамки...»	16
«на небе планеты и звёзды...»	17
«Шёл сон: я обиженно убегала...»	19
«И куда идёт Фёдор Достоевский ...»	20
Немножко	21
Листва и хвоя	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

облака сугробы неба

Стихотворения

Любовь Глотова

© Любовь Глотова, 2021

ISBN 978-5-0051-8147-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«облака сугробы неба...»

облака сугробы неба
тяжело нести
вместо молока и хлеба
снега гроздь в горсти

мы идём в открытом снеге
окунаем джинсы ног
рифмы следи и телеги
устарели но

мы с тобой зачем природе
наш вопрос решён
это кто-то новый ходит
куртка капюшон

это кто-то новый ищет
ищет не найдёт
снегом смотрит ветром свищет
поездом идёт

(2017)

«И вот другой совсем проснулся день ...»

И вот другой совсем проснулся день —
у ног моих лежит и пятки лижет.
Встаю, пью чай, смываю с тела ночь
и разминаю в гонке до трамвая
конечности, бужу свой трезвый разум.
Люблю, люблю трамвайное движенье,
вот он летит вокруг моих округ.
Сегодня он плетётся, одинокий,
не прозвенит, а промычит вослед
умчавшемуся лихачу-машине.
Ну, красно-белый, что ты хмуришь стёкла?
Лети, лети, тебе пою зарю!

(2005)

«У реки выросли плавники...»

У реки выросли плавники,
выглянули из воды и глядят.
А на них уставились рыбаки
и баржи гудят.
Все огни направили фонари,
чтоб разобрать.
А баржа барже гудит – не ори,
незачем орать.

Тебе звоню рассказать не забыть
про плавники.
Уплывёт река – как нам быть
в этом городе без реки?
Улицы все пусты,
и пусты все дни.
Пусть тогда и у нас вырастут хвосты,
и мы поплывём одни.

И направят все огни фонари
вслед тебе и мне.
Лишь баржа барже прогудит – не ори,
пусть плывут оне.

(2014)

«Поутру очнёшься – ни чешуи, ни хвоста...»

Поутру очнёшься – ни чешуи, ни хвоста,
посерёдке туловища, чувствуешь, пустота.
Пустота осязаемая, будто бы видимая.
Ты лежишь целая и невредимая.
«Помилуй, Сыне Божий
Иисусе Христе», – молчишь
и ныряешь под кожу,
летишь, летишь.

(2017)

«Я ничего не знаю о себе...»

Я ничего не знаю о себе,
об этом городе, всю жизнь в котором,
о человеке в бежевом пальто,
что спит под алюминиевым забором,
где рядом парк церковный и собес.

Иду пуста по улице пустой,
а мозг щекочет голосок простой,
как будто пёрышко прилипло к носу.
Он говорит: «Ну что же ты, постой», —
и тыкает мне в спину папиросу,
проснулся, стало быть. А я иду.
Прожги мне куртку, кофту, лифчик, спину —
я голос ваш не слышу на ходу,
я запах ваш подальше отодвину.

Я приходила оформлять две тыщи —
пособие, которое о том
свидетельствует, что ребёнок младший
не ходит в сад, но, впрочем, вот вам сумка,
там леденцы от кашля и батон.

Но что же вы, ведь разве же забор,
ведь разве же соседство с райсобесом —

иль как его по-новому зовут —
вас может разве оградить от ветра,
от этого блистающего льда?

Причастия действительной меня,
действительнее города, в котором,
и человека в бежевом пальто,
что спит под алюминиевым забором.
Действительнее кашля и батона,
пособия на Сеню и Антона,
точней, на Валю – это же она
не ходит в сад, не ходит на горшок
и всякий раз глядит, удивлена,
на розовую ёмкость у окна.

А ну как завтра клюнет петушок
сей город в темя, покосясь на время:
«О, что за семя, что вообще за племя?»
И плюнет: «Тьфу». И сядет на горшок.

(2017)

«синие глаза в обойме кожи век лица...»

синие глаза в обойме кожи век лица
надо повидать одной мне не расплакаться
ты смотри покуда можешь на меня смотреть
загорелой твоей рожой солнцу не согреть
рук жукообразны ногти на ногах носки
плечи узки рваны локти а в мешке куски
хлеба неба хлеба неба пузырёк вода
уходи отсюда нет ты заходи сюда

(2017)

Ноябрь

По веткам белка между горой и рекой – прыг да прыг.
Тополя у реки голые, как топоры,
она по ним, меховая, – скок да скок.
На гору домой человечек бредёт с мешком.
В мешке у человечка – хлеба и сала кусок.
Над головой – неба белок, солнца желток и бог.
А над всем этим белка всё скок да прыг.
«У, ты мне, мясная, уж допрыг...»

А напротив них, у острова, посреди реки —
стая чаек, что божии поплавки.
Снегом вздыбятся, полетят, полетят
и на то же место усядутся и глядят.
То ли греют животы от ноябрьской воды,
то ли с божьей лески ни туды, ни сюды.
То ли белку с человечком пленяют картинкой такой —
чаек снег кружит и падает над рекой.

(2014)

«у соснового бора...»

у соснового бора
у тихих болот
нет у рая забора
нет у рая ворот
только райские кущи
только райские птицы
тут у Пушкина Пущин
у Никулина Вицин

(2011)

«зелёной надежды кумыс...»

зелёной надежды кумыс
степная поволжская знать
придите сюда и вдохните
меж рёбер вам травы и ветер
и будьте до самой зимы
найдите отца вам и мать
и ждите как толстые нити
тянуть с вас начнут ваши дети

и стоя овцой во степи
скупые вкушая дары
тугой покрывайтесь вы шкурой
и шерстью золотой обрастайте
о том кто собирает репы
о том как сиюят миры
о тёплой земле красно-бурой
с листа земляники читайте

(2016)

«Мы не гуляли по крышам...»

Мы не гуляли по крышам,
не пили глинтвейн у моря,
мы сидели в твоей комнате
или лежали в твоей комнате.
Я точно не помню,
что мы делали в твоей комнате,
но я помню точно
мы не гуляли по крышам
и не пили глинтвейн у моря.

(2010)

«Отрываюсь пуговицей от детской пижамки...»

Отрываюсь пуговицей от детской пижамки,
отлетаю бабочкой с мальвы пустой.
Кто такой ты смотришь в потёртой кожанке?
Что ты машешь исчирканною берестой?
Кожа перламутровая, добрая кожа,
лапки крепко держат добычу и жрут.
Но за липкой грязью, за пакостной рожей
просвечивает белое личико —
соком сквозь кожуру.
Выброси добычу, авось ещё очнётся,
авось ещё немного она поживёт.
Отрываюсь лучиком от матери-солнца,
отлетаю пёрышком в небосвод...

(2009)

«на небе планеты и звёзды...»

на небе планеты и звёзды
по ним бродят птицы и облака
под небом растёкся осенний воздух
с ним рядом город дождь и река
взрослые рыбы в реке канючат
учат родню не попасть в меню
а меня в свою очередь мучает
то в чём я тебя не виню

а небо каким бы ни было
оно смеялось над ними
всеми своими нимбами
всеми святыми под ними
бусинки-капельки
вздевало иглой на нити
веточек воробьиные лапки
вздрагивали извините

береги лёгкие лёгкие
не пускай себя в тяжкие тяжкие
собери со стола крохи
птицам их ах бедняжки

слышу идёшь через чертополох

головокружительный дождь
ослепительный бог
идёшь за белой лодкой по белому берегу
от Канина Носа к проливу Беринга

(2014)

«Шёл сон: я обиженно убегала...»

Шёл сон: я обиженно убегала.
Незнакомец догнал меня
и чрезвычайно мило сообщил,
что сожалеет о моем уходе.
Я смотрела на него и говорила себе:
«Если бы я знала, что он здесь появится,
я бы не уходила, о, если бы я знала.
А теперь неудобно вернуться,
а теперь проснусь и непонятно,
каким образом мне снова удастся
увидеть этого чрезвычайно милого человека,
блондина и, по совместительству,
режиссёра цирка».
И я решила, что надо попрощаться сейчас.
И чем скорее, тем лучше.
Чтобы, когда проснусь, и не вспомнить о нём.
И мы попрощались.

(2013)

«И куда идёт Фёдор Достоевский ...»

И куда идёт Фёдор Достоевский —
в Астрахань или вверх
по всклокоченной
гидроэлектростанциями
реке?
Босиком
бежит по Студёному оврагу Динка,
кличет Лёньку,
а Фёдор Немихалыч Достоевский
разворачивается
и идёт вверх —
белый четырёхпалубный идиот.

(2018)

Немножко

Изгородь, дерево, дом, три окошка,
хозяйка идёт в огород за вилком капусты.
Что ей нужно? Может быть, как и мне, немножко —
чтобы было весело и чтобы было грустно.

Всё это женское, довольно простое дело:
жить, капусту рубить, леденцы посасывать,
затемно в себя приходить – здравствуй обратно, тело —
не то в Шилово просыпаясь, не то в Сасово.

А я на поезде мимо, еду далёко,
до Самары ещё километров семьсот или около.
Мне задаром достался вид трёх этих окон,
жёлтой изгороди, синего дома, дерева невысокого...

Медленный поезд в звёздах и остановках,
ворочаю себя в географии незнакомой,
в Рузаевке выхожу дышать в пальто и без штанов, как
застигнутая пожаром, выскочившая из дома.

В вагоне посапывают, одни в одеяла казённые
укутавшись, другие разногишавшись – жарко.
Незнакомцы и непохожцы, расскажите сквозь сон мне,

как подольше не снимать жизни пижамку.

Разве могу я утешить их, в плацкартном сне
повторяя, повторяя и повторяя имя твоё?

Я только тем и отличаюсь, что хуже засыпается мне,
и что просыпаюсь, когда они сдали проводнику бельё...

(2012—2016)

Листва и хвоя

*

Доплывёт до Италии,
облако наливное.
Туда, где за нас хлопотали
листва и хвоя.
Ветер – звонче, резче нет,
волны катят могучие.
Я, как положено женщине,
чересчур живучая.
Тебя – лелеять, тебя – беречь,
песчинки сдувать с плеч,
о прошлом не говорить,
Ничего не спрашивая, лечь,
на письме вымарывая речь,
отпуская ткачих, поварих.

*

Отпуская ткачих, поварих
куда подальше,
престарелый жених
думает, что дальше.
Взрослый сын, бывшая жена
живы и здоровы,
белка орешки грызёт дотемна —

не то, не то слово.

Сказке конец, молодец,
снова свою ведёшь под венец —
трезвым и незаметным.

Интересуешься, жатва ты или жнец.
Едешь по городу, а тут бац и ТЭЦ,
и ты – ангелом многодетным.

*

И ты ангелом многодетным
идёшь особу свою особую
приодеть на многодетное
государственное пособие,
равное прожиточному минимуму
из расчёта на одного человека, да,
бежишь, мими-муму,
по рынкам, по сэкондам.
К потребительству непригодная,
утешаешься тем, что свободная,
тем, что не мещанка.
Несёшь домой себя, голодную,
да вдобавок обновку модную —
молоко, творог, сыр и сгущёнку.

*

Молоко, творог, сыр и сгущёнку,
печенье, помадку,
икру трески, трески печёнку,
шоколадную пасту и шоколадку,

всё – с добавлением пальмового масла.
Оно, если верить одним источникам, полезно,
а если другим, смертельно опасно,
но съедобно – железно.
Тяжела домохозяйки корзина.
Воздуха. Вон из магазина.
Теряешь зрение, читая составы.
Завидуешь машинам —
питательному бензину,
ремонтируемым сердцам, сменным суставам.

*

Ремонтируемым сердцам, сменным суставам
тоже не сладко, да ещё – по весне.
Что называлось асфальтом устало
скомкалось под тем, что называется снег.
Ожидают дорожных строителей дамы,
не только женский у них интерес —
автомобили ныряют в ямы,
в шоссейные норы города Эс!
Я оптимист по природе, вроде,
трава зеленой в моем огороде,
пускай там одна трава.
На самарской дороге ни при какой погоде
не зазеваешься, подтянут ты, профпригоден,
азартен – или я не права?

*

Азартен – или я не права? —

Поволжья Среднего житель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.